

Владимир Соловьев

Из воспоминаний. Аксаковы.
Аксаковы
Вспоминается мне большой, просторный дом,- барский оазис среди купеческого Замоскворечья - против Николы, что в Толмочах, близ Ордынки.
- Сегодня у нас вечер с большими: дядя Юша и Анна Федоровна Аксакова хотят тебя смотреть; они теперь внизу у бабушки, и будут подниматься не вместе, чтобы не запугать сразу.
"Дядю Юшу", т. е. знаменитого славянофила Юрия Федоровича Самарина, а также и племянника, гр. Федора Львовича Соллогуба - самого своеобразного и привлекательного изо всех людей, каких я только знал, нужно будет когда-нибудь помянуть особо, а теперь я хочу только записать, что осталось в памяти об Аксаковых - Анне Федоровне и Иване Сергеевиче.
Вижу, входит мать моего приятеля, графиня Мария Федоровна Соллогуб (рожденная Самарина) и с нею дама лет 45, невысокого роста, полная и плотная, с очень некрасивым, но оригинальным лицом и, очевидно, давно оставившая всякое притязание (если только когда-нибудь его имела) быть женщиной в специфическом светском смысле этого слова. Желание Анны Федоровны Аксаковой и других лиц "смотреть" меня объясняется некоторым шумом, донесшим в Москву из Петербурга, где я несколько месяцев перед тем начал свое поприще магистерским диспутом в университете. Моя юношеская диссертация, а также вступительная речь на диспуте, резко шли против господствовавшего у нас в то время позитивистического течения, и, доставивши мне *succes de scandale** в большой публике и у молодежи,

* Сканальный успех (фр.).- Ред.

365

вместе с тем обратили на себя внимание "старших": Каткова, Кавелина, и особенно последних представителей коренного славянофильства, к которому в некоторых пунктах примыкали мои воззрения, хотя и незрелые, но достаточно определенные в главном. Анна Федоровна начала разговор по-русски с очень сильным иностранным произношением и скоро перешла на безукоризненный французский язык. Дочь нашего великого лирика Ф. И. Тютчева, по матери немка, она воспитывалась в Германии, а затем большую часть жизни провела при дворе покойной императрицы Марии Александровны, где русский язык еще не был в большом употреблении. Впрочем, она его основательно знала, очень хорошо на нем писала и могла говорить грамматически правильно, но только с резким немецким акцентом; она прекрасно знала также церковнославянский язык и была начитана в наших богослужебных книгах.

Темою первого разговора послужила, конечно, моя диссертация и ее главное содержание - критика философии Шопенгауэра и недавно выступившего тогда Гартмана. Моя собеседница с большим жаром напала на самое понятие бессознательного духа.

- Бывают душевые состояния, не сознаваемые нами, т. е. мы не всегда сознаем ясно, что делается в нашей душе, и пожалуй, это можно назвать бессознательностью души, но какой смысл имеет бессознательный дух, когда духом называется то, что владеет собою и, следовательно, имеет самосознание?

Я заметил, что слово *Geist** употреблялось в различных значениях и что у старших писателей оно относилось не к высшему, а к среднему началу нашей жизни, связывающему психическое существо с физическим, - *Geist Gas* - как и у французов в старину *les esprits animaux*** означали что-то полуматерьяльное, посредствующее между душою и телом.

- Да, но ведь Гартман - не старинный писатель, и терминология у него теперешняя, а при этом вся его метафизика, основанная на духовном, но бессознательном начале, есть бессмыслица (*n'est qu'un contresens****). Впоследствии я встречал многих дам, рассуждающих о философских предметах; иные предлагали мне на этот счет свои собственные мысли, решительно превышающие

Дух (нем.).- Ред.

** Дух плоти (фр.).- Ред.

*** Бессмыслица (фр.).- Ред.

366

Соловьев В. Из воспоминаний. Аксаковы filosoff.org
мое разумение, другие более настаивали на требовании, чтобы я сказал им в двух словах безусловную истину - *la verite absolue*. Но женщина, рассуждающая о таких вещах толково и с знанием дела, есть величайшая редкость. С этой стороны я сразу оценил Анну Федоровну и пожелал продолжать знакомство. В ближайшее воскресенье я отправился на Спириidonовку - кажется, там жили тогда Аксаковы, - и застал дома обоих хозяев. Скоро потом я поехал за границу, потом оставил Московский университет и переселился в Петербург. Но часто и подолгу бывая в Москве, посещал и Аксаковых, у которых собирались по пятницам разные люди, более или менее прымкающие к Славянскому комитету, где председательствовал тогда Иван Сергеевич {1}. Не все элементы этих вечерних собраний были одинаково приятны; некоторыми тяготилась и сама хозяйка. Мне было интереснее видаться с Аксаковыми без гостей; я полюбил и мужа и жену, хотя с нею мне было более по себе, между прочим, потому, что в Иване Сергеевиче, при всех его серьезных достоинствах, было всегда что-то условное, был какой-то традиционный панцирь, стягивающий и закрывавший его прекрасную душу. У него не было того, что французы называют *abandon**. У жены его в этом не было недостатка. Унаследовав от своего отца живой и тонкий ум при высоком строе мыслей и при большой чуткости ко всему хорошему, она соединяла с этим недостававшую ее отцу силу характера, германское прямодушие и серьезную добросовестность во всех нравственных вопросах - *den sittlichen Ernst***. Это, вероятно, пришло к ней с материинской стороны. Но другого свойства она не унаследовала от матери, которая, по ее рассказам, была воплощением кротостью, чего уж никогда нельзя было сказать про саму Анну Федоровну. При большой сердечной доброте она менее всего была похожа на овечку. Я никогда в жизни не видел более раздражительного, резкого и вспыльчивого существа. Она не сердилась, а как-то вдруг вся загоралась и начинала "бросать огонь и пламя", по французскому выражению. Иногда это происходило по совершенным пустякам, но большую частью в основе здесь лежало нравственное негодование. Потому что Анна Федоровна была полна нравственной брезгливости, которую вообще никак не скрывала, а при всяком заметном поводе эта брезгливость выражалась в яростных вспышках.

Дочь и жена славянофилов Анна Федоровна очень
Небрежение (фр.).- Ред.

** Нравственная серьезность (нем.).- Ред.

367

своеобразно относилась к славянофильству. Западные и южные славяне вызывали в ней глубокое презрение и отвращение. Правда, она их знала лишь по тем образчикам, которые она могла видеть в Славянском Комитете и в кабинете своего мужа, где их понятие о славянской взаимности принимало несколько узкую форму, всецело сосредоточиваясь на испрашивании и получении денежных пособий. Не с таким отвращением и брезгливостью, но все-таки презрительно относилась она к русскому простонародью, которое обвиняла в неисправимом мошенничестве и лживости. Конечно, и тут отрицательная оценка вырастала на почве личного опыта - с русскою прислугою. Самой умной женщине легче понять даже отвлеченные философские идеи, нежели в предметах жизненного интереса отделить общее суждение от единичных конкретных впечатлений.

Когда случалось Анне Федоровне рассказывать в присутствии мужа о каком-нибудь подвиге доверенного домочадца, она обобщала рассказ следующим, например, образом: "Наш такой-то, как неиспорченное дитя того "святого" русского народа, которому поклоняется Иван Сергеевич,- конечно, должен был произвести такое-то мошенничество".- "Ну что ж, этак и я, как русский, должен быть мошенником?" - проворчит, бывало, Иван Сергеевич. "Нет, ты не должен, потому что ты испорчен европейским образованием, которое тебя научило, что народная святость не освобождает от личной честности". На это Иван Сергеевич ничего не возражал. Так же был он уступчив и при "генеральских атаках" своей жены против славянофильства, каким я бывал свидетелем. Вот одна из самых типичных.

II

Разговор, как всегда, шел по-французски. Я перевожу, хорошо помня главные фразы.

- Ну, что, собственно, дало твоё славянофильство русскому обществу? Чем было полезно? какие его результаты? Я вижу только один: что в обществе перестают читать и говорить на иностранных языках. Но ведь это оглушение и одичание! Это бросается в глаза! Сравни только общество, которое мы знали двадцать лет назад, с теперешним!

Иван Сергеевич пытается возражать: разве славянофильство виновато в том, что теперь нет больше таких людей, как, например, твой отец или Хомяков?

- Ты сам себя опровергаешь,- кричит Анна Федо

368

ровна, разгораясь,- мой отец и Хомяков были прежде всего люди европейски
Страница 2

Соловьев В. Из воспоминаний. Аксаковы filosoff.org
образованные, и если это было нужно для них, то тем более нужно для
теперешних, которые без помощи культуры совсем пропадут, делаются такими
же животными (brutes), как твои возлюбленные мужики.
Иван Сергеевич кротко и без воодушевления возражает, что значение Хомякова
и Тютчева зависит не от их образованности, а от их русских убеждений.
- Неправда, неправда! - прерывает его Анна Федоровна, - никаких русских
убеждений нет, а есть только русская дикость. Ты сам если имеешь
какое-нибудь достоинство (*quelque valeur*), то не потому, что ты русский, а
лишь потому, что ты только наполовину русский. Все, что в тебе есть
хорошего, происходит от твоей татарской крови и от твоего немецкого
образования! А теперь вот нашим болванам, вместо того чтобы их
сколько-нибудь очеловечить, внушают, что они и так хороши, что им нужно
оставаться только русскими, что Европа нам совсем ни к чему, что у нас с
нею нет ничего общего! Этого, я думаю, ни мой отец, ни Хомяков не
предусматривали. Но вот к каким отвратительным глупостям привело ваше
славянофильство. Послушайте, что теперь пишут и читают!..
Анна Федоровна быстро берет с соседнего стола известную тогда лишь в
славянофильских кругах, но потом довольно популярную книгу крайне
националистического направления и начинает ее гневно перелистывать; но
негодование мешает ей найти нужное место, и она с шумом бросает книгу {2}.
- И какая глупая, ребяческая вера в пустые слова! Вы думаете, что
образование перестает быть образованием оттого, что вы назовете его
"европейничаньем"! Как будто существует еще какая-то другая образованность,
другая наука, кроме европейской! Если у вас есть свое, не европейское,
покажите поскорей. А если ваша самобытная русская образованность состоит
только в том, чтобы бранить Европу, то я вам скажу, что это только
надувательство и преступление против отечества. Когда вы говорите русским:
"Не европейничайте, будьте только русскими", это на самом деле значит:
"Откажитесь от образования, останьтесь с вашим самодовольным невежеством,
т. е. под предлогом самобытности подражайте китайцам!" Нет, ты мне скажи,
пожалуйста: почему подражать немцам или англичанам - дурно, а подражать
китайцам - хорошо?

Но Иван Сергеевич прямого ответа не давал, а лишь кротко улыбался и издавал
нечленораздельные, но умира

369

творящие звуки, средние между тихим мычанием и легким скрипом.
Я мог передать, разумеется, хотя верно, но лишь в сухом скелете живые и
остроумные выходки Анны Федоровны, которые меня и интересовали, и
забавляли, хотя я и не разделял тогда ее точки зрения, потому что сам был
отчасти жертвой того, что она называла в гневе "надувательством" и что в
действительности было искренним увлечением умов, невольно поддавшихся
стихийной силе национального самолюбия и самомнения.

Что касается до Ивана Сергеевича, то, зная, что и он человек очень
вспыльчивый и с довольно развитым знаком "*de la combativite*"*, или "холмом
Марса" на руке, я всегда удивлялся невозмутимому благодушию, с которым он
принимал все громы своей супруги. Мысленно я называл его за это
"добропобедным мучеником".

должно сказать, что Анна Федоровна громила своего мужа только в глаза; в
отсутствие же его она говорила о нем так, как только самая любящая и
благородно-самолюбивая жена может говорить о своем муже.

- Иван Сергеевич человек идеальный; его славянофильская публицистика есть с
его стороны какой-то подвиг смирения; конечно, при всей антипатичности этих
славян, его деятельность имеет большое историческое значение; но я уверена,
что по своим умственным и нравственным силам он был бы способен к делу
гораздо более великому.

Отношение Анны Федоровны к деятельности мужа менялось до некоторой степени.
В годы сербской и русско-турецкой войны она была увлечена и гордилась
быстро выросшим значением и популярностью Ивана Сергеевича {3}. Но роль
публициста, "газетчика", казалась ей решительно ниже его достоинства. Если
ему заграждена деятельность государственного человека, то он должен
удединиться и посвятить себя большому капитальному сочинению о России, о
православии и всех высших вопросах, - труду, который бы "остался" и
увековечил его имя. А он вместо этого разменивает свои силы на еженедельные
печатные разговоры о текущих делах.

Когда умер Иван Сергеевич, с Анной Федоровной произошел переворот. Всякая
тень критического отношения к мыслям и делам покойного исчезла
окончательно. Она приняла два решения, в которых видела свой нравственный
долг: во-первых, стать настоящею славянофилкою; а во-вторых, Склонность к
борьбе (фр.).- Ред.

370

собрать и издать все оставшееся от мужа. Вторую задачу она исполнила с
Страница 3

Соловьев В. Из воспоминаний. Аксаковы filosoff.org
поразительным, почти сверхъестественным успехом. В три года (1886-1889) она, больная, приговоренная к смерти, не только собирает из ряда журналов, группирует по предметам и издает множество статей, составивших семь толстейших томов, но еще в то же время разбирает всю обширную переписку покойного, приготовляет ее к печати и начинает печатать.

Первая задача - стать славянофилкою - оказалась труднее. С наивностью, трогательной в такой женщине, она говорила мне:

- Я всячески стараюсь усвоить все идеи и взгляды Ивана Сергеевича - это теперь мой долг и самое горячее желание моего сердца. И я достигла некоторых успехов. Но есть вещи, которые все еще никак в меня не вмещаются. Во-первых, его странное обожание русского народа, - я уже не говорю о других славянах, а потом государственный принцип славянофильства, который мне никак не удается согласовать с здравым смыслом. Это самое большое мое огорчение. Другое, меньшее, но все-таки серьезное, по-видимому, огорчение причиняло ей я. Об этом после. А теперь я должен сказать о том, что, кроме глубокого и горячего личного чувства, связывало Анну Федоровну с ее мужем и при жизни, и после его смерти и в чем она без усилия могла примикивать к славянофильству.

Это была ее искренняя и восторженная любовь к православию или собственно к православному богослужению. В этом она всегда сходилась с Иваном Сергеевичем, хотя характер их религиозности был различный. Иван Сергеевич был, во-первых, привязан к православию, как к вере отцов, как к родовой святыне, с детства осеняющей русского человека.

Приди ты, немощный,
Приди ты, радостный,
Звонят ко всенощной,
К молитве благостной...

Заутра праздник, вещий день
Ильи, гремящего пророка... {4}

А затем он преклонялся в православии перед самым чистым и полным, по его убеждению, выражением нравственного принципа, жизненной нормы.

Анна же Федоровна брала православие с его мистической и эстетической стороны, которые сливались в богослужении.

371

Верой, переданной от отцов, или святыней детства православие для нее, собственно, не было: родилась она в Германии, отец ее, особенно в молодости, не был практически религиозен, мать была протестантка, а сама она воспитывалась в католическом пансионе. Православие было для нее религией приобретенной, как отвечавшее мистическим потребностям ее природы. Сверхъестественный мир был для нее реальностью, она наполовину жила в мире вещи снов, пророческих видений и откровений. И в моих воспоминаниях Анна Федоровна неизбежно вызывает память о фактах мистических. Пока сообщу только два, имеющие особое значение...

372

= КОММЕНТАРИИ. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ. Аксаковы.

Впервые напечатана в январской книжке "Недели", 1901. В 1889 г. Соловьев принял предложение С. А. Венгерова написать для "Словаря русских писателей" статью об А. Ф. Аксаковой. Начав работу, он вскоре от нее отказался:

"...трудность и в непривычной мне форме личных воспоминаний" (Письма, 2, 318). Воспоминания остались неоконченными.

{1} В 1875 г. И. С. Аксаков стал председателем Московского славянского комитета, в котором он и прежде играл главную роль. Славянский комитет объединял русскую общественность, стремившуюся оказать посильное содействие национально-освободительной борьбе славянских народов.

{2} Вероятно, речь идет о книге Н. Я. Данилевского "Россия и Европа".

{3} Война Сербии с Турцией началась в июне 1876 г., а в апреле 1877 г. Россия объявила войну Турции. И. Аксаков и возглавляемый им Славянский комитет получили известность сбором пожертвований и посылкой добровольцев в Сербию.

{4} Неточная цитата из поэмы И. С. Аксакова "Бродяга" (глава "Шоссе"), 1847 - 1850 гг.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
Страница 4

Соловьев В. Из воспоминаний. Аксаковы filosoff.org
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!